

Глеб Иванович Успенский

Дворник

Глеб Иванович Успенский
Дворник
Серия «Мелочи», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664725*

Аннотация

«...Только что поставил дворник метлу, после продолжительной прогулки с нею по панели углового дома, и, войдя в свою совершенно темную от темноты зимнего вечера дворницкую, отломил огромную краюху хлеба, которой так давно жаждал проголодавшийся желудок, как над самым окном его раздался отчаянный звонок.

– О, шут тебя возьми!.. – произносит дворник, вылезая из своей норы.

– Дворник! – кричит какой-то франт, стоя в воротах и заложив руки в карманы. ...»

Содержание

Примечания

15

Глеб Иванович Успенский

Дворник

В бесконечном ряду темного, незаметного люда, с утра до ночи трудящегося на пользу процветания и удобств столичной жизни, по всей справедливости занимает первое место дворник, этот человек в полосатой шерстяной фуфайке, которого всякий видал миллионы раз; не думайте, чтобы этот предмет был слишком маловажен, – напротив, в настоящее, совершенно пустынное от всяких героических личностей, время дворник может занять довольно видное место. В самом деле, чего хотите вы от истинного героя? Мужества, несокрушимой твердости духа, самоотвержения? Все это, даже в большей степени, вы найдете в столичном дворнике; прибавлю даже, что как истинным героем, так и порядочным дворником нельзя быть, не обладая этими качествами и преимущественно доведенным до высших границ самоотвержением, заставляющим из-за вашего покоя и тепла пожертвовать своим теплом и покоем. Всем, решительно всем вы обязаны этой пестрой, неутомомно работающей куртке; вы в этом тотчас же убедитесь, если только будете иметь терпение проследить хоть один день ее трудовой жизни; одно уже то, что вы будете *только наблюдать* эту жизнь, измучает вас прежде всего физически, потому что если вы действительно решаетесь познакомиться с программой занятий

дворника, то вам нужно подняться чем свет, и тут вы будете изумлены тем, что дворник уже опередил вас: на дворе давным-давно стучит его топор, раскалывающий дрова, фуфайка дворника давно пропотела от швыряния в сарай поленьев и дымится на утреннем морозе; работа идет все шибче и шибче – и скоро вам не угнаться за этой фуфайкой! Вот вы встречаете ее на лестнице с целой горой дров на спине, уставившуюся в землю лбом, осторожно поворачивающую свое тело на изгибе лестницы; спустя немного – дворник попадается вам на той же лестнице с огромными широкодонными ведрами; затем вы видите его на окне магазина, с тряпкой в руке, шлифующего зеркальное трехаршинное стекло, вы видите его со скребком на тротуаре зимою, с ломом – во время гололедицы, с метлой – летом. Эта же пестрая куртка иногда мелькает вам за кулисами театра, с натугой выкатывающая на сцену величественное облако или грандиозную морскую раковину, на которой с невыразимой грацией поместилась балетная героиня... Все, решительно все для вас – и ничего для себя! И это потому, во-первых, что конура, над входом в которую видна дощечка: «Дворник», изобилует самыми худшими чертами всех времен года – летней духотой, с быстрыми переходами к лютому холоду, осенней сыростью и гнилью подвального воздуха; словом, изобилует всеми неудобствами, о которых вы давным-давно успели позабыть, если хоть когда-нибудь слышали о них. Потому еще «не для себя» живет он, что где-то в Осташкове существует сын Иван и жена

Авдотья; и отписала эта жена Авдотья «письмо», где значит-ся, что «в чистую избу никак им перейти невозможно, потому что подрядчик Иван Семенов не пускает до тех пор, говорит, пока двадцать целковых за стройку не отдадите». Да еще пишет Авдотья эта, что «нельзя ли картузик сынку, да ей платок, да два целковых за башмаки еще не отдавали, но что Федор кум и сестрица кланяются и что Гаврило Прокофич недавно погорел. Затем прощайте...»

Все это огромной массой забот лежит на плечах столичного дворника; об этом Осташкове, об этой Авдотье и о чистой избе думает он с болью в сердце, потому что за хлопотами приходится думать только украдкой, только в промежутки дум о вашем покое, о чистоте улицы, за укладкой дров, за тасканьем воды. И эти осташковские дела заставляют хватать подходящую минуту, стараться и бегать для кого бы то ни было, лишь бы потом за услугу перехватить «что-нибудь».

Только что поставил дворник метлу, после продолжительной прогулки с нею по панели углового дома, и, войдя в свою совершенно темную от темноты зимнего вечера дворницкую, отломил огромную краюху хлеба, которой так давно жаждал проголодавшийся желудок, как над самым окном его раздался отчаянный звонок.

– О, шут тебя возьми!.. – произносит дворник, вылезая из своей норы.

– Дворник! – кричит какой-то франт, стоя в воротах и заложив руки в карманы.

– Что, что там? Кого надо?

– Ты дворник?

– Я! Что угодно?

– Послушай, поди сюда!

Франт идет в темный угол под воротами.

– Что угодно?

– Вот тебе... возьми...

– Благодарим покорно!

Получив в руку, дворник считает нужным снять шапку и вполне отдается воле благодетеля, который говорит:

– Послушай, братец, – не знаешь, кто это такая побежала сейчас?

– Куда это-с?

– Прямо из ворот и потом, кажется, вон в угол?

– В угол-с? Это которая же... в платочке?

– Да-да-да...

– Это, надо думать, Марфуша... швейка.

– Швейка? Гм! Так, братец, того, поди-ко сюда...

Идут в угол более мрачный, где посетитель шепчет дворнику на ухо и потом произносит:

– Понимаешь?

– Будьте покойны!

На дворе стоит лютый зимний вечер. Посреди улицы мчатся промерзлые рысаки, широко раздувая ноздри и оставляя клочки пара, который тотчас же расхватывает на части мороз. В небе красные полосы. Посреди улицы ита-

льянец-шарманщик, в легком пальтишке, с грязным шарфом на шее, подпевает под мотив из «Эрнани»¹, но мороз хватает его за горло, и поэтому вылетают по временам какие-то отрывистые басовые звуки. Да и шарманка тоже по временам сипит: мороз победил жаркий итальянский напев. Франт подпрыгивает на тротуаре, круто поворачивая от угла назад, заглядывает в ворота и марширует опять.

А дворник между тем не спеша поднялся по черной лестнице и остановился около квартиры портнихи Оборкиной; подумав с минуту, он осторожно отворил дверь и очутился в мастерской. Около стола, на котором лежали кучи кисеи и разных материй, сидели и стояли девушки. Одна из них только что вернулась с улицы, о чем говорили ее румяные щечки.

– Ну, девушки, – говорила она: – какой за мной франтик гнался! От самого Аничкина моста... Я бегу – он за мной, я бегу – он за мной...

– Что Марья, полковницыной куфарки, тут нету?.. – спрашивает дворник.

– Затворяй дверь-то, ишь барин какой! Холоду напустил! Какая тебе тут Марья?

– А я думал, здесь; барыня спрашивает – а ее нету... Я так мекал – здесь.

– Ступай, ступай!

---

¹ ...под мотив из «Эрнани» – опера Джузеппе Верди (1813–1901) «Эрнани» (1844), написанная на сюжет одноименной драмы в стихах Виктора Гюго.

Дворник мнется.

– А я так думал... – тянет он, и во время этого ненужного разговора Марфуша, только что рассказавшая погоню за ней, успела заметить, что дворник то мигал ей глазом, кивая при этом в сторону головой, то пальцем манил... Все это, надо сказать прямо, уже было знакомо Марфуше, потому что этими же самыми жестами дворник вызывал ее к купеческому сыну Алеше. Она окончательно убедилась в том, что есть какое-то экстренное дело, когда дворник, медленно затворявший дверь, успел еще раз поманить ее своим большим пальцем. Все эти символы были ясно поняты; Марфуша толкнула свою подругу Соню и воскликнула:

– Ах, батюшки! Где ж это рюш-то?.. Никак я его... Ах, батюшки мои...

Марфуша нагибалась под стол, искала по карманам, но рюша не было нигде.

– Так и есть! Ведь я его никак потеряла!

– Где-нибудь на улице...

– Да на улице и есть! Ах, батюшки мои!

– Оденься-ко да побеги...

– И то, пожалуй, побежать... Мы, тетенька, побежим с Со-ней. Я не увижу, она увидит!

Девушки поспешно накидывают кой-какие пальтишки, на головы набрасывают маленькие платочки, напоминающие самое жаркое лето, – и вон!

– Идите скорей... Кольки времени ждут! – сердито ворчит

дворник на темной лестнице. – Право, толкутся, словно бы барышни какие!

– Ну, молчи!

– Да право!

Девушки выскочили за ворота, побежали было в одну сторону, потом тотчас же поворотили в другую сторону, и тотчас же за их спиной раздался осторожный кашель и учащенные шаги... Девушки хихикали, останавливались на минутку у окон часового магазина, потом бежали куда-то, опять поворачивали назад, зачем-то перебежали дорогу, повернули за угол, а в сущности кружились на одном месте. Шаги все стучали сзади их. После таких маневров, продолжавшихся, благодаря морозу, только пять минут, фронт шел уже рядом с девушками, зацепляя ногою дырявые ситцевые подола их жиденьких, легоньких платьев. Еще минута, и дворник, интересовавшийся концом этой истории, слышал, как за углом шел такой разговор:

– Все мужчины обманщики... Уж это вы не говорите!

– Кто это вам сказал? Извозчик!

– Ну да, как же... сначала любит, а потом...

– Да откуда вы это берете? Извозчик! Совершенно не то!

Извозчик! Напрасно вы так... Подавай!..

– А потом обманет...

– Что вы! Кто это вам внушил?... Подавай! Стой! Стой!

Сонечка, – сюда! Марфуша со мной! Пошел!..

– Эй, вы! – встряхнув вожжами, вскрикивает извозчик.

Сани раскатываются на углу, швырнув в сторону и снегом и искрами...

– Ах!

– Поехали! – заключил дворник.

* * *

Глубокая ночь. На углу стоит обмерзлый газовый фонарь, в который рвется ветер, стараясь задуть огонь; словно птица, мечется огонь в стороны, и по панели прыгает тень клетки от фонаря; у запертого винного погреба ветер качает большую виноградную кисть; городской в башлыке, с мерзлыми усами, прислонился спиной к стене, всунув рукав в рукав, туго пожимает плечами и дремлет. Пустынно, хоть и слышится еще тихий, словно усталый полутреск и полусум от полозьев и колес карет; извозчики дремлют на своих санях, закрываясь дерюгой, побелевшей от снега, которым так упорно играет метель и мороз... Дворник в огромном полушубке, волочащемся по земле и вздымающемся выше головы, с толстой дубиной в руках, не спит... Ходит он по панели, садится на скамейке у ворот, отворяет парадную дверь какому-то запоздавшему господину, не совсем твердо ступавшему ногами; шуршание тулупа во время ходьбы дворника, громыханье ключа и грохот выпуклой железной вывески, приве-

шенной на внутренней стороне двери, – все это нарушало на минуту холодную и горькую столичную пустынную. Дворник снова ходит, снова дремлет, но не спит. В темном переулке, сбоку, где судьба и полиция нашли удобным поместить только два фонаря, – посреди улицы раздаются пьяные голоса: толпа молодых людей, один за другим, вываливаются из четырехугольной калитки в воротах какого-то мрачного и сверху донизу беснующегося содома; нетвердым языком разговаривают они, но кричат сильно, и притом все вдруг: один уронил с плеч шинель на снег, нагнулся, поднял ее и упал. Друзья-приятели не замечают этого и с тем же говором и шумом влезают в калитку соседнего дома. Оставшийся долго что-то бормочет над своей шинелью, философствует, – наконец начинает дремать, но свежий воздух берет свое...

И пустыннее становится кругом, ближе и ближе подступает та минута совершенно беззвучной тишины, которая хоть на одно мгновение, но непременно бывает и в бессонном организме столицы. Дремлет дворник. Из-за угла в это время выезжает извозчик: лошаденка маленькая, мухортая, обвешанная сосульками, дуга облупленная, связанная посредине бечевками, одна оглобля белая, другая черная, извозчик – ветхий старичок; это – ночной извозчик, так называемый *желтоглазый*, карикатура в глазах денных ездоков и предмет посмеяний, как такое бесталанное существо, которое поставлено в необходимость брать «*пятиалтынный за Дунай*». А на полуразвалившихся санях этого желтоглазого,

санях, которые словно ходенем ходят под седоком, которые все изранены – и внизу и в задке налетавшими смаху дышалами, – на этих убогих санях едут наши знакомки: Соня и Марфуша. Марфуша то и дело принимается песни петь, ногой притопывает: «А-ах, лешеньки» и кричит: «Ах, извозчик, пошел!..» Соня, которая в первый раз испытывает на своей, рано или поздно предназначенной к гибели, голове ощущение хмеля, пугается этого ощущения, останавливает Марфушу, покачивающуюся из стороны в сторону, и дрожит ее сердце при виде знакомого пятиэтажного дома, где живет портниха Оборкина.

– Эко девки-то напились как! – соболезнуя, говорит дворник и поднимается со скамейки. – Где вас шут носил?

– Голубчик дворник! Ваня! – любовно говорит Марфуша, нетвердо стоя на панели. – Ванюша!.. Гуляли...

– Вижу!.. Зачем вино-то жрешь?.. Как теперь покажешься к мадаме-то?..

– Да я не покажусь...

– Не покажусь! До естольких пор волочаются... Мне же достанется...

– Кто мне может запретить? – воодушевляясь, произнесла Марфуша, размахнув руками, и во все горло затягивает песню...

– Иван Иваныч! Голубчик! – робко произносит Соня: – мы боимся!..

– Прижала хвост-то... – снисходительно произносит двор-

ник, медленно идя под ворота. – Пошли спать сюда! – продолжает он, толкнув ногой дверь в дворницкую. – Чем свет взбужу – как-нибудь потихоньку проберетесь... Пошли!.. Клади-ко ее... Эко Марфа-то в самом деле как ослабла!

Улеглись девушки в конуре дворника – Марфуша вялым языком что-то рассказывала, быстро приподымаясь с полу и почти так же быстро падая опять... Принималась песни петь... Соня глаз не могла сомкнуть от страха, который все больше и больше охватывал ее.

– Господи! – шептала она во тьме...

Вьюга шумела на дворе, и попрежнему, ежась от холода, дремал на скамейке дворник...

...День. Марфуша сидит за работой с больной головой и побледневшей, как полотно, физиономией. Неразговорчива она – «да» и «нет» – и больше слова не добьешься, и грустно ей, и вся разбита, нездорова она.

А дворник, как и вчера, еще до рассвета принялся за свою обычную работу и, усевшись потом за еду в своей дворницкой, вовсе не обращает внимания на то, что какая-то женщина давным-давно зовет к нему, стоя посреди двора.

Примечания

Группа рассказов под заглавием «Мелочи» впервые образована в четвертом томе (1884 г.) первого издания «Сочинений», в конце «Приложений» тома.

Название отдела «Мелочи» для очерков и рассказов, идущих после большого произведения, писатель применял не раз и ранее: например, под этим же названием в сборнике 1871 года после «Разоренья» Успенский напечатал три других рассказа («Старьевщик», «Идиллия», «Зарок не пить»). В настоящем издании заглавие «Мелочи» сохраняется, так как сам Успенский оставил его в последующих изданиях своих «Сочинений». В первый том «Мелочи» переносятся потому, что тематика входящих в них рассказов 1865–1868 годов тесно переплетается с тематикой цикла рассказов «Столичная беднота».

Дворник

Рассказ впервые напечатан в серии «Петербургские очерки. 1. Дворник (Вместо предисловия). 2. № 24 и его обитатели. Шалопай. 3. Арабеска не более» («Будильник», 1865, М. № 80, 84, 85, 88, 90), под псевдонимом М. Б-н. Из этих очерков только «Дворник», с небольшими исправлениями,

перепечатывался автором «в сборнике «Глушь», СПб., 1875 года, в отделе «Из столичной жизни», и во всех изданиях «Сочинений».

Успенский недаром обращает внимание читателя на «незаметную» фигуру дворника, называя его героем настоящего времени, – новые персонажи, новые типы из трудового народа усиленно выдвигала демократическая литература 60-х годов.